

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tixxhq>

## Язык общества будущего как объект сатиры в антиутопической диалогии Д. Эггерса

Лушникова Галина Игоревна

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского  
федерального университета им. В. И. Вернадского, Россия, Ялта  
<https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>  
Scopus Author ID: 57204798995  
[lushgal@mail.ru](mailto:lushgal@mail.ru)

Осадчая Татьяна Юрьевна

Севастопольский государственный университет, Россия, Севастополь  
<https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>  
Scopus Author ID: 57204808877

**Аннотация:** Проблема языкового моделирования картины мира личности, в том числе в художественных произведениях, и недостаточная ее изученность обуславливают актуальность работы. Цель – рассмотреть особенности лексики антиутопической диалогии современного американского писателя Д. Эггерса и определить функции вымышленного языка в создании сатирической модальности романов "The Circle" (2013) и "The Every" (2021). Работа выполнена в рамках лингвокогнитивного подхода, использованы приемы компонентного, трансформационного и лингвостилистического анализа художественного текста, метод аналитического описания и анализ семантических полей. Представлены мнения отечественных и зарубежных исследователей о неразрывной связи языка, общественных процессов и мышления. Очерчены основные признаки и особенности современного сатирического романа, его ведущие лингвистические средства и стилистические приемы. Анализ показал, что антиутопия Д. Эггерса представляет собой новый тип сатиры, соединяющий постмодернистскую иронию и деконструкцию с присущей метамодернизму новой искренностью и оптимизмом по поводу возможности изменения устоев общества. Основными чертами лексики языка антиутопического мира являются большое количество неологизмов и окказионализмов, образованных по типу разных словообразовательных моделей, контрастное использование лексики высокого и сниженного стилей, употребление эвфемизмов, измененных устойчивых словосочетаний. Важным выводом представляется то, что в рассматриваемых произведениях сатире подвергаются не только черты будущего языка, но и уже существующие языковые тенденции, которые, по мысли автора, деформируют язык, оказывая негативное влияние на образ мыслей и поступков его носителей. **Ключевые слова:** Д. Эггерс, антиутопия, сатира, вымышленный язык, модели словообразования, неологизмы, окказионализмы, эвфемизмы, сленг

**Цитирование:** Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Язык общества будущего как объект сатиры в антиутопической диалогии Д. Эггерса. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 130–139. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-130-139>

Поступила в редакцию 25.09.2023. Принята после рецензирования 24.10.2023. Принята в печать 30.10.2023.

full article

## Language of the Future as an Object of Satire in D. Eggers's Dystopic Dilogy

Galina I. Lushnikova

Humanities and Education Science Academy, V. I. Vernadsky Crimean  
Federal University, Yalta, Russia  
<https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>  
Scopus Author ID: 57204798995  
[lushgal@mail.ru](mailto:lushgal@mail.ru)

Tatiana Iu. Osadchaia

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia  
<https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>  
Scopus Author ID: 57204808877

**Abstract:** Personal worldview can be subjected to linguistic modeling even if the person in question is a fictional character. This research featured the vocabulary invented by the contemporary American writer Dave Eggers for his dystopic dilogy, as well as the role of this fictional language in creating satirical mode. The study involved such methods

of cognitive linguistics as component, transformational, and stylistic analyses, analytical description, and semantic fields. The article opens with a review of domestic and foreign publications on the connection between language, social processes, and thinking. *The Circle* (2013) and *The Every* (2021) were analyzed for satirical and stylistic devices. The dilogy turned out to be a new type of satire, which combines the postmodern irony and deconstruction with the metamodern openness and optimism. The vocabulary of the future as seen by the author was analyzed for its functions in creating the worldview. Its key features include: neologisms and occasionalisms coined in line with actual word-formation models; contrasting high and low-style vocabulary; euphemisms and modified set phrases. D. Eggers also satirized some real linguistic trends, which, in his opinion, deform the language and affect people's mind and behavior.

**Keywords:** Dave Eggers, dystopia, satire, fictional language, word formation models, neologism, occasionalism, euphemisms, slang

**Citation:** Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. Language of the Future as an Object of Satire in D. Eggers's Dystopic Dilogy. *SibScript*, 2024, 26(1): 130–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-130-139>

Received 25 Sep 2023. Accepted after peer review 24 Oct 2023. Accepted for publication 30 Oct 2023.

## Введение

Общеизвестно, что язык всегда служил и продолжает служить целям главенствующей политической доктрины, на что обращают внимание как лингвисты и социологи, так и авторы художественных произведений. Согласно лингвистическому детерминизму, язык определяет структуру мышления и способ познания мира (теория лингвистической относительности, предложенная Э. Сепиром и Б. Л. Уорфом [Уорф 2003]). В других учениях о языке, признающих относительную независимость развития языка от истории развития общества и мышления человека (исследования М. Хаузера, Н. Хомски и В. Т. Фитча [Hauser et al. 2002] и других ученых), указывается, что «сложные мыслительные процессы, и даже такой процесс, как обобщение и категоризация (которые связывают с появлением языка), существуют и до языка» [Суховерхов 2015: 109–110].

В современных исследованиях, рассматривающих язык с точки зрения прагматического и когнитивного подходов, подчеркивается, что независимость развития языка и сознания человека не может быть абсолютной, ученые признают важную роль языка в социальных процессах, подчеркивают взаимную обусловленность развития языка и процесса социального познания: "together, social cognition and language probably formed an evolutionary cycle wherein advances in one fed advances in the other, and it is unclear what human cognition (social or otherwise) would be like without the powerful cultural augmentation that language provides" [Fitch et al. 2010: 795]. Можно утверждать, что язык обуславливает постепенное развитие мышления и социального познания как отдельного человека, так и человеческого общества в целом.

По справедливому замечанию А. В. Суховерхова, взаимная обусловленность языка и мышления особенно ярко отражается в художественной литературе, где с помощью языка может создаваться новая, вымышленная действительность: «в литературе, в частности у футуристов, мы также видим, что авторы создавали свой уникальный язык, языковой стиль и способы построения устной и письменной речи не только для отражения реальных событий, но и для создания новой художественной действительности» [Суховерхов 2015: 116].

В художественной литературе хрестоматийным примером создания нового языка в антиутопическом обществе является описание новояза / *newspeak* в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Новояз Дж. Оруэлла является вымышленным или фикциональным языком, который рассматривается как «намеренное языковое программирование» человека, «как орудие улучшения человеческого сознания, оптимизации мыслительных процессов посредством улучшенной согласно достижениям науки языковой структуры» [Скворцов 2014: 151].

В романе «1984» автор представляет фикциональный язык, который выполняет практически все перечисленные выше функции. Важно отметить, что описание языка в романе «1984» выступает одним из выразительных средств сатирического изображения общества: «новояз Дж. Оруэлла воспринимается читателем как сатирическое изображение унифицированного, однозначного языка, который не допускает выражения нетрадиционных взглядов и точек зрения, который способствует контролю над умами граждан государства» [Малышева 2015: 89].

Понятие *сатирическое* является сложным и неоднозначным, в литературоведении существуют различные точки зрения на его сущность. По мнению М. М. Бахтина, сатира может рассматриваться, во-первых, как жанр, во-вторых, как особое отношение автора к законам и порядкам изображаемого мира: «сатира есть образное отрицание современной действительности в различных ее моментах, необходимо включающее в себя – в той или иной форме, с той или иной степенью конкретности и ясности – и положительный момент утверждения лучшей действительности» [Бахтин 2001: 938]. С. М. Коновалов рассматривает сатиру как авторскую модальность или пафос произведения: «сатира – это определенное (в основном отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения (т.е. пафос), определяющее выбор средств художественного изображения и общий характер образов» [Коновалов 2020: 25]. Американский исследователь Д. Гриффин указывает, что сатира чаще выступает как модальность произведения: "satire often seems a "mode" or a "procedure" rather than a single "genre" [Griffin 2021: 4].

Англоязычная литература характеризуется присутствием в ней давней сатирической традиции, которая отражается в различных литературных жанрах. По словам А. С. Музыченко, «на всех этапах развития сатирической традиции писатели и драматурги использовали богатую гамму приемов, ставших традиционными, – иронию, сарказм, гротеск, аллегорию» [Музыченко 2023: 53]. Чаще всего сатира соединяется в произведении с юмором, когда «юмор незаметно перерастает в сатиру и наоборот. <...> Юмористический элемент, введенный в сатирический жанр, находится количественно и качественно в подчинении у сатиры. Он играет второстепенную, но очень важную роль. Он дополняет сатиру, контрастирует с ней, помогая автору донести его идею до читателя» [Лиходзиевский 2019: 124].

По мнению К. Хьюма, ведущими характеристиками сатирического произведения являются следующие элементы: "the first quality identified by most satire theorists is *attack*. <...> The attack on the cultural snobbery of gated communities is much more satirically straightforward. <...> The second quality is the *humor* or *wit* that makes something satire rather than mere vilification, and the third, closely related, is the author's *evident enjoyment* of his or her literary art, and the fourth is a form of *exaggeration* to the point of *fantasy*" [Hume 2021: 4–5].

Современные авторы, с одной стороны, остаются в рамках сатирической традиции и развивают ее,

с другой – привносят в нее новые элементы. Во-первых, новым элементом является то, что сатира используется для обличения ценностей общества потребления: «горький смех как орудие сатирического изображения действительности призван обратить внимание человека на бесперспективность жизни, целью которой являются исключительно потребление и обогащение. Неприятие человеческих пороков, возмущение нарушением нравственных норм определяют сатирический пафос литературных произведений» [Коновалов 2019: 89]. Современные писатели, по мнению зарубежных исследователей, обличают потребление, однако не считают возможным исправить общество в целом, оставляя при этом надежду на личностный рост каждого: "these writers employ satire not to initiate rebellion or cultural change, but to reflect the problematic role of institutions in modern life and, in turn, the potential, even hope, for personal growth" [Lee 2012].

Еще одним важным признаком современного романа, в котором присутствует сатирический пафос, является обращение к серьезным экзистенциальным проблемам: «востребованным становится интеллектуально-сатирический роман, в котором поднимаются серьезные экзистенциальные вопросы, дающие почву для углубленных размышлений над смыслом жизни» [Первушина 2019: 63].

Вызывает интерес тенденция, характерная, по мнению Е. В. Ушаковой, для многих современных романов с сатирическим пафосом: «это произведения, в которых явно используются сатирические техники, сатирическая тональность, но нет и намек на некую норму, относительно которой подвергаются осмеянию те или иные факты и персонажи. Парадокс заключается в том, что и сама сатира подвергается сатиризации: часто автор высмеивает собственную повествовательную технику с помощью избыточно преувеличенного использования приемов или играя с сатирической традицией» [Ушакова 2017: 42].

В антиутопическом романе сатира чаще всего представлена отношением автора к изображаемому обществу, можно даже утверждать, что сатирический пафос является ключевым для большинства антиутопий: «сатира в целом борется не со случайностями, а с закономерностями – не зря жанр антиутопии стал самым популярным для сатирического повествования» [Алисова 2013: 15].

Одним из ключевых средств создания сатирической модальности в антиутопии является описание языка общества будущего, который отражает реалии

данного общества: "as a narrative genre, dystopia is characterized by language which restricted, prescribed or otherwise influenced by authoritarian or ideological governing structures, and dystopian worlds are often richly constructed and animated by means of futuristic invented language" [Millward 2013: 96].

Современный американский писатель Дэйв Эггерс в антиутопической диалогии, состоящей из романов "The Circle" (2013) и "The Every" (2021), подвергает сатире многие аспекты современного общества. В данной диалогии автор использует как классические, так и новые элементы сатирической традиции. Необходимо отметить, что сатира романов Д. Эггерса – это новый тип сатиры, а именно сатира метамодернизма, соединяющая постмодернистскую иронию и деконструкцию, с одной стороны, и новую искренность и оптимизм по поводу возможности изменения устоев общества – с другой: "a new mode of satire has emerged – what this article calls metamodern satire – that bridges the gap between the modernist objective of correction and postmodernist subversion of metanarratives" [Chesters 2021: 39].

Главным объектом сатиры Д. Эггерса является изменение образа жизни и в некотором смысле сознания человечества под влиянием власти интернет-систем, включающих стремительно расширяющиеся медиа-коммуникации и информационные базы. Автор показывает, что новая идеология, насаждаемая влиятельнейшими компаниями-монополистами, постепенно завоевывает все большие слои населения и охватывает практически все сферы жизни общества. На примере компании, изображаемой в романе «Сфера», читатель имеет возможность увидеть, какими могут быть последствия внедрения новой идеологии: это деградация личности и тоталитарные принципы управления обществом: "readers follow Mae as she makes her way up to the top of the company, becoming aware of the possibilities offered by the cutting-edge services and technologies developed by the Circle but also witnessing the protagonist's personal degradation and the Circle's progressive movement towards totalitarianism" [Laguarta-Bueno 2018: 167].

Мир, описанный Д. Эггерсом, совсем незначительно отличается от современного, читатель узнает в нем многие приметы своего времени, которые, однако, доведены автором до абсурда. Образ нового человека приобретает некоторые черты гротеска: «гротесковые детали заставляют воспринимать этот образ как сатирическое предвидение тех перемен, которые легко и вполне могут стать реальностью» [Грекова 2019: 85].

Следуя традициям жанра антиутопии, Д. Эггерс рисует картину нового общества, которое обладает новым укладом, новой идеологией, что поддерживается и рядом инноваций в области языка. В романах диалогии Д. Эггерса представлены образцы нового языка, которые отражают некоторые тенденции, происходящие в английском языке на современном этапе, и, кроме того, прослеживаются во многих других языках, включая русский. Интерес исследователей к проблеме языкового моделирования картины мира личности, в том числе в художественных произведениях, и недостаточная ее изученность обуславливают актуальность данной работы.

Цель – рассмотреть особенности лексики антиутопических романов Д. Эггерса и определить функции вымышленного языка в создании их сатирической модальности.

## Методы и материалы

Материалом данного исследования послужили фрагменты описания вымышленного языка в романах Д. Эггерса "The Circle" и "The Every".

Произведения изучаются с точки зрения лингвокогнитивного подхода, в рамках которого коммуникация рассматривается как «построение в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, "моделей мира", которые определенным образом соотносятся с "моделями мира" говорящего, но не обязательно повторяют их» [Сергеев 1987: 7]. Другими словами, анализ описания вымышленного языка диалогии осуществляется «в контексте языкового моделирования картины мира, создания при помощи языковых единиц конструкта новой реальности, в которой получают обоснование новые социальные процессы» [Крюкова, Кожемякин 2018: 102]. В работе использованы приемы компонентного, трансформационного и лингвостилистического анализа художественного текста, метод аналитического описания и метод анализа семантических полей.

## Результаты

Основные лингвистические тенденции, которые представлены Д. Эггерсом:

- 1) появление большого числа неологизмов, окказионализмов, распространение «красивых», становящихся популярными слов и фраз;
- 2) использование эвфемизмов, штампов, устойчивых словосочетаний, в том числе видоизмененных;
- 3) свободное употребление сленга и сниженной лексики.

### Использование неологизмов и окказионализмов

Ведущей чертой нового языка у Д. Эггерса является широкое распространение неологизмов и окказионализмов. Именно с помощью неологизмов может быть создан определенный идеологический дискурс, который способен оказывать решающее влияние на способ мышления людей: "languages can exert control over minds with political aims, guide people to orthodox states of mind or keep them appeased and content, and this manipulative discourse is developed with the help of neologisms" [López-Rúa 2019: 133–134].

Известно, что неологизмы и окказионализмы являются составляющими элементами лексического макрополя определенного языка, различие данных понятий состоит в их расположении относительно ядра данного макрополя: «неологизмы входят изначально в около-ядерную область. <...> ...окказионализмы находятся и функционируют в маргинальной зоне лексического макрополя, в сфере индивидуального употребления» [Несветайло 2010: 180–181]. Другими словами, их отличает то, что неологизмы на определенном этапе употребляются довольно большой частью носителей языка, некоторые из них могут войти в словарный фонд, другие уходят из него, забываются, остаются только в специальных словарях неологизмов и новых слов. Окказионализмы характеризуются разовым использованием, чаще всего в произведениях художественной литературы, в рекламе, шутках и анекдотах. Некоторые из них вследствие частого повторения тоже могут войти в словарный состав языка, однако такие случаи единичны.

У Д. Эггерса встречаются почти все способы словообразования неологизмов и окказионализмов, преобладающим является сокращение разных типов: аббревиатуры, акронимы, сокращение начального (афферезис) или конечного (апокопа) слога и промежуточный тип между сокращением и словосложением – контаминация или блендинг. Преобладание неслучайно, поскольку, чему мы все являемся свидетелями, сокращения распространены в современных языках, что обусловлено спецификой новых средств коммуникации, требующих экономии времени и пространства письма. Д. Эггерс использует их с нарочитой частотностью, что вызывает трудности восприятия текста, иногда их расшифровка требует особых усилий – возвращаясь к предыдущим фрагментам произведения, иногда практически невозможна, что делается автором намеренно, поскольку его цель в данном случае – резкая критика чрезмерного употребления не всегда оправданных сокращенных новообразований.

Приведем ряд примеров.

- Аббревиатуры: *MDS, MRI, SFPD, AI, IPO, FCC, EiO, EOD*.
- Акронимы: *CEO, CE, PESS, ToT*.
- Сокращение слога: *cam, pic, ad, ID, tech, rep, sec, exec, doc, demo, hon*.
- Контаминация: *AuthentiFriend, GenuPal, PreCom, AnonCom, TruYou, TruVoice, libart, minidiscos, medbed, ecommerce*.

В диалогии встречаются примеры неологизмов, образованных и по другим моделям, таким как аффиксация (*circler, subCircle, everyoneablee, antitrog*), словосложение (*Everyfriend, Every-issued, InnerCircle, OuterCircle, multitasking, singletasking, groupthink*), конверсия (*the Every (n.), to be ID'd (v.), the seen (n.)*). Среди примеров встречаются такие смешанные типы словообразования, как словосложение + буквенное сокращение (*O-language*), сокращение + редупликация (*hon-hon*), сокращение с изменением морфологической структуры слова (*demoxie*), словосложение + использование элементов другого языка (*Stop+Lük – умлаут ü*), аффиксация + использование элементов другого языка (*deëmployment*). Следует обратить внимание на то, что большое количество слов, образованных по разным типам моделей, содержат в своей структуре название компании – в первом романе она именуется *The Circle*, а во втором – *The Every: InnerCircle, OuterCircle, subCircles, circler, Everyfriend, Every-issued, everyoneablee*. Достаточно часто номинации компании и их производные употребляются и в составе словосочетаний: *Circle events, Circle community Circlers' profiles, Circlers' opinions*. Повтор названий компаний в изолированной форме и в составе сложных и производных слов, в составе словосочетаний служит целью внедрить в сознание людей значимость, вездесущность этого могущественного института.

Специфика использования автором неологизмов в данных произведениях заключается в том, что наряду с придуманными им (*AuthentiFriend – Authentic Friend, GenuPal – Genial Pal, AnonCom – Anonymous Complaint, EiO – Everything in Order* и др.) в повествование включаются достаточно известные, уже вошедшие в английский язык или легко узнаваемые единицы, например: *cam (camera), pic (picture), ad (advertisement), rep (representative), AI (artificial intellect), ID (identifier)* и др.

В диалогии Д. Эггерса, в большей степени во втором романе "The Every", иронической критике подвергается еще одна черта современного языка – использование «красивых» слов, всяческое поощрение и стимулирование их употребления, то, что Дж. Оруэлл называл в свое время «претенциозным красноречием». Само по себе

разнообразие словарного запаса, умение использовать в речи широкий ряд синонимов представляет собой положительный фактор, демонстрирующий степень образованности говорящего. Однако эта тенденция имеет и обратную, негативную сторону, персонажи романов Д. Эггера употребляют «модные» слова к месту и не к месту, повторяют их по несколько раз, не всегда понимая их значение. Эти слова входят в лексикон носителей не потому, что они осознанно повышают культуру речи, а лишь потому, что они популярны, причем популярными их делает не точность обозначения и даже не благозвучность, а в одних случаях лишь дань моде, а в других – задача идеологического характера, поскольку они, может быть, не так явно, как лозунги, отражают главные постулаты компании. Именно эту сторону высвечивает и критикует Д. Эггерс, в его романе таковыми словами становятся, например, слова *disobedient*, *amorphous*, несущие отрицательную коннотацию, и *outstanding*, *absorbability*, *elegant*, имеющие положительную коннотацию. Ряд примеров из романа "The Every" подтверждает склонность к использованию популярных в компании слов:

- *Outstanding, she'd heard, was a word beloved at the Every*<sup>1</sup>.
- *"It was amorphous," she said, and saw a flash of admiration animate Dan's eyes. Another word he liked*<sup>2</sup>.

В данном случае автор в ироничном модусе показывает явление, имеющее место в нашей реальности – всем известна распространенная в наше время практика избрания наиболее частотных, «модных» слов, именуемых словами года. Автор подробно описывает действия компании, направленные на языковые реформы, неожиданным результатом которых стало вытеснение из активного словарного состава языка значительного количества слов, получивших статус устаревших:

- *For years, the every, through its auto-fill algorithms, had squeezed out thousands of words, favoring the most-likely over the lesser-used, and this had had the unexpected effect of rendering wide swaths of the English language nearly obsolete*<sup>3</sup>.

Проводя грань между положительными и отрицательными сторонами установок на использование «красивых» слов, между показным и действительным красноречием, Д. Эггерс в своей авторской речи демонстрирует богатый арсенал лексики английского языка, великолепное владение семантическими оттенками слова на денотативном и коннотативном уровнях, используя вместо стандартных, часто употребляемых лексических единиц их более редкие синонимы. Так, у него встречаются такие слова, как *innocuous* вместо более привычных *harmless*, *innocent*; *perfunctory* вместо *indifferent*, *unthinking*, *automatic*; *sagacious* вместо *wise*, *reasonable*, *sensible*; *ubiquitous* вместо *universal*, *everywhere*, *all over*; *stellar* вместо *outstanding*, *famous*; *commence* вместо *begin*, *start*.

Интересным представляется тот факт, что сотрудники компании иногда пускаются в рассуждения на лингвистические темы по поводу знаковых, ключевых слов компании, отражающих ее постулаты. В качестве примера можно привести следующий фрагмент, где речь идет о слове *community*, приводятся его дериваты, указывается источник происхождения:

- *You realize that community and communication come from the same root word, communis, Latin for common, public, shared by all or many*?<sup>4</sup>

Заемствований в диалогии Д. Эггера, как и в современном английском языке в целом, значительно меньше. Примечательно, что он включает заимствования из русского языка – *gulag*, печально известный термин, номинирующий, как считают западные идеологи, одно из характерных явлений России советского периода.

Другой пример – слово *glasnost*, которое вошло в обиход в нашей стране во время сложного этапа перестройки. Важно отметить, что семантика русского слова *гласность* существенно отличается от семантики, которая реализуется в слове *glasnost* в романах Д. Эггера, в них оно обозначает всеобщую открытость, выставление на показ широкой общественности всех сторон жизни индивида, тотальное слежение за каждым при помощи установленных повсеместно камер, сбором информации на каждого. Его английскими эквивалентами, которые встречаются в романах, являются *openness*, *transparency*.

<sup>1</sup> Eggers D. The Every. NY: Vintage, 2021. P. 14–15.

<sup>2</sup> Ibid. P. 16.

<sup>3</sup> Ibid. P. 16.

<sup>4</sup> Eggers D. The Circle. NY: Vintage, 2014. P. 96.

### Использование эвфемизмов, штампов, устойчивых словосочетаний

Стрелы сатиры Д. Эггерса направлены также на такой распространенный в наше время феномен, в большей степени развитый в английском языке, как политкорректный язык (*politically correct language*). В рассматриваемых романах с целью иронии и сатиры увлечение эвфемизмами такого типа утрировано. Речь персонажей изобилует политкорректными словами и словосочетаниями, например, в романах ни разу не встретилось слово *man*, вместо которого постоянно используется слово *human*, для смягчения негативных коннотаций в обиход входят такие единицы, как *deemployment*, *de-approved*, *de-elevate*. Авторское мнение по этому поводу не выражено прямо, но импликация очевидна: номинации такого рода не решают проблем, не улучшают положение человека и не смягчают отрицательного воздействия, их функция сводится к тому, чтобы «обелить», представить в положительном свете тот или иной далеко не положительный факт.

Характерной чертой новояза Д. Эггерса является использование лозунгов, девизов, слоганов, которые красочно оформлены и установлены на территории компании, а также заполняют мир виртуальный – ее профили в сетях. Причем слова *motto*, *slogan* постоянно используются сотрудниками компании. Лозунги-призывы в диалогии не столько раскрывают суть описываемой компании, сколько исполняют роль директив, команд, которым должны следовать ее сотрудники, однако их не называют командами, согласно эвфемистическому обороту, они именуются мольбой о вдохновении (*imploring messages of inspiration*): *Dream*, *Participate*, *Find Community*, *Innovate*, *Imagine*, *Breathe*<sup>5</sup>. Последний звучит абсурдно, но имеет особый смысл, заключающийся в том, что дышать, т. е. по-настоящему жить, можно только будучи членом этой замечательной компании. Такие плакаты развешаны на стенах зданий кампуса компании и настойчиво повторяются для новичков, тем самым знакомя их с главными принципами компании. Большинство из них имеют краткую форму, состоят из двух-трех, а иногда всего из одного слова:

- *Community First. Humans Work. Communication. Understanding. Clarity*<sup>6</sup>.

Автор диалогии в свой новый язык включает и такое средство, как видоизменение устойчивых сочетаний и известных цитат – форму интертекстуальности, представляющую собой языковую игру, достаточно часто встречающуюся в современных рекламных и художественных произведениях. Однако этот прием у Д. Эггерса выполняет особую функцию: показать, что изменение во фразеологии может привести к изменениям в восприятии действительности, вернее, даже призвано изменять традиционные представления. Показательна в этом отношении замена предлога в устойчивом сочетании *Freedom of choice* на *Freedom from choice*, он также вводит свое, новое словосочетание, клеймящее саму суть возможности выбора – *Tyranny of choice*. Крайним проявлением таких целенаправленных изменений, вызывающих справедливое негодование противника компании, главной героини романа "The Every" и, соответственно, читателей, является программа компании по «исправлению» классических художественных произведений прошлого с целью их «улучшения», подразумевающего сокращения и удаление из них «ненужных» фрагментов. Не случайно, описывая эту программу, автор вводит еще одно изменение, причем лингвистического термина, обозначающего временную форму в английской грамматике: вместо *Past perfect* Д. Эггерс использует наименование *Past Imperfect*, которое выражает отношение членов компании к наследию прошлого.

### Употребление сленга и сниженной лексики

Новый язык обитателей нового мира Д. Эггерса характеризует и противоположная тенденция – распространенное использование сленга и сниженной лексики. Этот факт можно объяснить разными причинами. Во-первых, сленговые выражения, понятные только сотрудникам компании, подчеркивают их исключительность, избранность, отгороженность от остального мира. Использование таких единиц, как, например, *kudos* (*praise, prestige, glory*), *peel off* (*to leave, used as a rude command*), *uber* (*super*) и др., не только не запрещается, но и поддерживается. Во-вторых, толерантность к грубой лексике создает иллюзию свободы и даже вседозволенности, которой члены компании фактически не обладают. Кроме того, колоссальное напряжение, вызванное интенсивным рабочим графиком, гиперактивностью в сетях, обязательностью

<sup>5</sup> Ibid. P. 1–2.

<sup>6</sup> Ibid. P. 1–2.

участия в разного рода мероприятиях, проводимых после работы, необходимостью быть все время на виду, требует какой-то эмоциональной разрядки, которую может дать такое относительно безобидное действие, как произнесение грубых слов. Одна из героинь романа "The Circle" объясняет грубость своей лексики, которая до работы в компании не была ей свойственна, усталостью, которую она постоянно испытывает:

- *"Better to be at the bottom of a ladder you want to climb than in the middle of some ladder you don't, right? Some shitty-ass ladder made of shit?" Mae laughed. It was the shock of hearing such filth coming from such a sweet face. "Did you always curse this much? I don't remember that part of you."*  
*"I do it when I'm tired, which is pretty much always."*  
*"You used to be such a sweet girl."*  
*"Sorry. I'm fucking sorry, Mae! Jesus fucking Christ, Mae!"<sup>7</sup>*

Так парадоксально в речи людей нового мира, избраженного в диалогии, сочетаются единицы контрастных функциональных регистров.

## Заключение

Одним из ключевых средств создания сатирической модальности в антиутопическом произведении является описание языка общества будущего, который не только отражает реалии данного общества, но и порождает определенный идеологический дискурс, который способен оказывать решающее влияние на способ мышления людей и формировать в их сознании определенную картину мира.

Анализ диалогии Д. Эггерса позволяет сделать вывод, что основными чертами лексики языка анти-

утопического мира, который нарисован автором, являются большое количество неологизмов и окказионализмов, образованных по типу разных словообразовательных моделей (сокращение, аффиксация, словосложение, конверсия, смешанные типы), распространение «красивых», популярных слов и фраз, наличие заимствований, использование эвфемизмов, штампов, устойчивых словосочетаний, в том числе видоизмененных, свободное употребление сленга и сниженной лексики.

Автор создает новые языковые формы, вводя в текст романов своей диалогии окказионализмы – лексические единицы, отражающие идеологию нового общества. Наряду с этим он подвергает сатире уже существующие в языке тенденции, утрируя их, чтобы ярче высветить отрицательные стороны некоторых современных процессов в развитии языка, которые деформируют его, делают похожим на зашифрованный код, он показывает, во что может превратиться язык при непомерном развитии данных тенденций.

**Конфликт интересов:** Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

**Conflict of interests:** The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

**Критерии авторства:** Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

**Contribution:** All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

## Литература / References

- Алисова Е. Ю. Жанровое своеобразие сатирического романа В. Войновича. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2013. № 1. С. 12–18. [Alisova E. Yu. Vladimir Voinovich's satirical novel. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2013, (1): 12–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxdfmb>
- Бахтин М. М. Сатира. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 935–950. [Bahtin M. M. Satire. *Literary encyclopedia of terms and concepts*, ed. and comp. Nikol'yukin A. N. Moscow: Intelvak, 2001, 935–950. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xczgxp>
- Грекова В. В. Жанровая специфика антиутопии на примере романа В. Войновича «Москва 2042». *Современные исследования социальных проблем*. 2019. Т. 11. № 6. С. 77–96. [Grekova V. V. Genre specificity of anti-utopia on the example of V. Voinovich's novel "Moscow 2042". *Modern Studies of Social Issues*, 2019, 11(6): 77–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-6-77-96>

<sup>7</sup> Ibid. P. 16.

- Коновалов С. М. О сатире. *Art Logos*. 2020. № 2. С. 24–35. [Konovalov S. M. About satire. *Art Logos*, 2020, (2): 24–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbqcce>
- Коновалов С. М. Основные этапы развития сатирической традиции в белорусской литературе. *Пушкинские чтения – 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: XXIV Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 г.)* СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 88–94. [Konovalov S. M. Main stages of the development of the satirical tradition in Belarusian literature. *Pushkin readings. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, and text: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 6–7 Jun 2019*. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2019, 88–94. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kgmawn>
- Крюкова С. В., Кожемякин Е. А. Проблема языкового моделирования социальной реальности в художественном дискурсе (на материале произведений Дж. Оруэлла, Е. Замятина и В. Сорокина). *Культура и текст*. 2018. № 1. С. 99–117. [Kryukova S. V., Kozhemyakin E. A. Issue of language modelling of social reality in fictional discourse (by works of G. Orwell, E. Zamyatin and V. Sorokin). *Kul'tura i tekst*, 2018, (1): 99–117. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ywezyn>
- Лиходзиевский А. С. Традиции американского фольклорного юмора в американском сатирическом романе второй половины XX в. *XV Виноградовские чтения: Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 22 мая 2019 г.)* Екатеринбург: УрГЭУ, 2019. С. 123–128. [Likhodziesvsky A. S. Traditions of American folk humor in the American satirical novel of the second half of the XX century. *XV Vinogradov Readings: Proc. Sci.-Prac. Conf., Tashkent, 22 мая 2019*. Ekaterinburg: USUE, 2019, 123–128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/judxbr>
- Малышева Е. В. Вымышленный язык как текстотипологическая черта антиутопий. *Филологические этюды*, науч. ред. О. Н. Морозова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 83–100. [Malysheva E. V. Fictional language as a text-typological feature of dystopia. *Philological Studies*, ed. Morozova O. N. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2015, 83–100. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vygpsf>
- Музыченко А. С. Британская сатирическая традиция в романе П. Х. Джонсон «Невообразимый Скиптон»: преемственность и индивидуальность. *Культура и безопасность*. 2023. № 2. С. 53–61. [Muzychenko A. S. British satirical tradition in P. H. Johnson's novel "The Unspeakable Skipton": Continuity and individuality. *Culture and safety*, 2023, (2): 53–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25257/KB.2023.2.53-61>
- Несветаило Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как средства пополнения лексического макрополя современного английского языка. *Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 4. С. 180–186. [Nesvetailo Iu. N. Neologisms and occasionalisms as a means of replenishing the lexical macro-field of modern English. *The Humanities and Social Sciences*, 2010, 4: 180–186. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgtkrp>
- Первушина Л. В. Сатирическая направленность творчества С. Тешича. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2019. № 2. С. 62–72. [Pervushyna L. V. Satirical stance in literary work by Steve Tesich. *Vestnik of Polotsk State University. Series: Humanities*, 2019, (2): 62–72. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zboavv>
- Сергеев В. М. Введение. In: *Язык и моделирование социального взаимодействия*, ред. В. В. Петров. М.: Прогресс, 1987. С. 3–19. [Sergeev V. M. Introduction. *Language and modeling of social interaction*, ed. Petrov V. V. Moscow: Progress, 1987, 3–19. (In Russ.)]
- Скворцов В. В. Функции вымышленного языка «спидток» в рассказе Р. Хайнлайна «Бездна». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 8-2. С. 149–152. [Skvortsov V. V. Functions of an imaginary language "speedtalk" in the story by R. Heinlein "Gulf". *Philology. Theory & Practice*, 2014, (8-2): 149–152. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sftynp>
- Суховерхов А. В. Лингвистический детерминизм, кумулятивная эволюция и рост научного знания. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2015. № 105. С. 105–127. [Sukhoverkhov A. V. Linguistic determinism, cumulative evolution and development of scientific knowledge. *Politematicheskij setevoy jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, (105): 105–127. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tikkon>
- Уорф Б. Л. Наука и языкознание. *Языки как образ мира*, сост. К. Королев. СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 202–220. [Whorf B. L. Science and linguistics. *Languages as an image of the world*, comp. Korolev K. St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003, 202–220. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qocbnn>

- Ушакова Е. В. Сатирический модус романа М. Спарк «Пир». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12-1. С. 41–44. [Ushakova E. V. Satirical modus of the novel "Symposium" by M. Spark. *Philology. Theory & Practice*, 2017, (12-1): 41–44. (In Russ.)]
- Chesters S. "Don't go all earnest on us": Metamodern satire in George Saunders's "Brad Carrigan, American". *Studies in American Humor*, 2021, 7(1): 39–60. <https://doi.org/10.5325/studamerhumor.7.1.0039>
- Fitch W. T., Huber L., Bugnyar T. Social cognition and the evolution of language: Constructing cognitive phylogenies. *Neuron*, 2010, 65(6): 795–814. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2010.03.011>
- Griffin D. *Satire: A critical reintroduction*. Lexington: The University Press of Kentucky, 2021, 256.
- Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? *Science*, 2002, 298(5598): 1569–1579. <https://doi.org/10.1126/science.298.5598.1569>
- Hume K. Maria Dahvana Headley's *The Mere Wife*: Diffused satire in a troubling piece of Beowulfiana. *Orbit: A Journal of American Literature*, 2021, 9(1): 1–22. <https://doi.org/10.16995/orbit.3445>
- Laguarta-Bueno C. Transhumanism in Dave Eggers' *The Circle*: Utopia vs. dystopia, dream vs. nightmare. *Revista de Estudios Norteamericanos*, 2018, 22: 165–188. <https://doi.org/10.12795/REN.2018.i22.08>
- Lee J. C. Contemporary US-American satire and consumerism (Crews, Coupland, Palahniuk). *Comparative Literature and Culture*, 2012, 14(4). <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1839>
- López-Rúa P. VPS, Goodthink, Unwomen and Demoxie: Morphological neologisms in four dystopian novels. *Miscelánea: A Journal of English and American Studies*, 2019, 59: 117–136. [https://doi.org/10.26754/ojs\\_misc/mj.20196342](https://doi.org/10.26754/ojs_misc/mj.20196342)
- Millward J. "Words That Are Lost": obsolete language in dystopian fiction. *Dystopia(n) Matters: On the Page, on Screen, on Stage*, ed. Vieira F. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013, 96–114.